

Чу Фэнцина привели в какой-то дворец. Дворец был чрезвычайно великолепен. Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что вся обстановка в комнате была бесценной. Было очевидно, что хозяин вложил много сил в её устройство.

Дворцовая служанка проводила его до места и удалилась. Высокие дворцовые ворота закрылись перед Чу Фэнцином.

Он поджал губы, протянул руку и осторожно попробовал открыть дверь.

Заперто.

Как он и ожидал, он осмотрел комнату. Двери и окна — все были закрыты. Говорить в этом огромном дворце — каждое слово отдавалось эхом, а золото и нефрит, сложенные по всей комнате, создавали пустое, расточительное великолепие.

Словно огромный золотой дом был построен для него, а он был канарейкой, запертой внутри.

Глаза Чу Фэнцина слегка потускнели, но он не был в сильной панике. Честно говоря, его тело почти достигло своего предела. У него кружилась голова, и он совсем не мог думать.

Для него ничто не было так привлекательно, как эта маленькая кушетка.

Он лёг прямо в одежде и вскоре заснул, хотя можно сказать, что он заснул только потому, что его тело больше не могло терпеть.

Когда он снова открыл глаза, было уже темно. В зале горели свечи, и пламя свечей мерцало, но не очень ярко.

На нём также появилось лишнее одеяло. Он слегка оглянулся и увидел фигуру Чжао Июя. Чжао Июй сидел при свечах с книгой в руке.

Сняв ярко-жёлтое драконье одеяние, он сидел там не как император, а скорее как молодой господин из аристократической семьи, и всё его тело источало смирение.

Иногда, если притворяться достаточно долго, это тоже становится реальностью.

Чжао Июй обернулся и случайно поймал его взгляд, с лёгкой улыбкой на губах он сказал:

— Цинъэр, ты проснулся?

Чу Фэнцин сел, его губы были немного бледными.

Видя, что он выглядит невесёлым, Чжао Июй налил ему стакан воды и протянул ему, сказав обожающим тоном:

— Не знаю, назвать ли тебя храбрым или безрассудным: ты можешь спать в такой ситуации.

Чу Фэнцин поднял глаза, чтобы посмотреть на него, и, не взяв воду, спросил прямо:

— Как долго ты собираешься держать меня взаперти?

Чжао Июй явно не ожидал, что он спросит так прямо. Он ничего не сказал мгновение и поставил отвергнутый стакан воды на стол. Он опустил глаза, чтобы посмотреть на свои пальцы, только что обожжённые водой. Он на мгновение задумался, затем медленно улыбнулся и сказал:

— Пока Чу Фэнцин не исчезнет, а не появится Наложница Чу.

Чу Фэнцин посмотрел на него ясными и неглубокими глазами. Это означало, что он должен жить как женщина до конца своей жизни.

— Зачем тебе Наложница Чу? — Он говорил холодным голосом и вдруг ярко улыбнулся, но в его глазах был оттенок сарказма. Трудно было увидеть такое выражение на его лице.

Он спросил Чжао Июя:

— Это Чу Фэнцин постыден, или мужская наложница постыдна?

Выражение лица Чжао Июя застыло, словно он не ожидал, что тот задаст такой острый вопрос. Он склонил голову набок, и его чёрные как водопад волосы соскользнули с плеч вместе с его движением. Он и впрямь начал обдумывать этот вопрос.

Они смотрели друг на друга. Чжао Июй размышлял мгновение, затем дважды рассмеялся, слегка прищурившись:

— Это проблема Чжэня, она не имеет отношения к Фэнцину. Чжэнь боится, что историк запишет это, и Чжэнь станет грешником на веки вечные.

С этими словами он вздохнул:

— Кто в мире не боится сплетен народа?

Цзи Юйцзинь.

Чу Фэнцин молча подумал про себя: Если бы это был он, он бы точно не боялся, он, возможно, даже сделал бы наоборот. Разве ты не сказал, что это невозможно? Тогда я объявлю об этом всему миру и буду действовать вызывающе.

Он никогда не принимал близко к сердцу то, чего боялись другие.

Мир был для него всего лишь носителем, и он никогда не обращал слишком много внимания на бесполезные вещи. Просто он боялся, что Чу Фэнцин пострадает, поэтому никогда не говорил об этом слишком много перед посторонними.

Даже в свободное время Чжао Июй держал спину прямо. На самом деле он и Чу Фэнцин были в чём-то похожи. Они оба с детства учились сложному этикету и пути благородного мужа. Казалось, они были из одного мира. Цзи Юйцзинь, напротив, казался из другого мира. Он действовал безрассудно и никогда не соблюдал этикет.

— Поэтому я могу только доставить неудобство Фэнцину, — сказал он с улыбкой, его тон был немного ленивым.

После того как Чжао Июй взошёл на трон, он стал совершенно другим человеком. Он больше ничего не скрывал, словно страх когда-то сдерживал его, а теперь он даже стремился раскрыть тьму и безумие, заложенные в самых его костях.

— Ваше Величество.

Прежде чем Чу Фэнцин успел что-либо сказать, евнух наклонился к уху Чжао Июя и что-то прошептал.

Чжао Июй приподнял брови и посмотрел на Чу Фэнцина:

— Чжэнь изначально хотел пригласить семью Циньэр на нашу свадьбу, но не ожидал, что Циньэр окажется быстрее.

Так и есть, к счастью, Ли Юй действовал быстро.

Чжао Июй:

— В таком случае я могу только пригласить бывшего главу Сичана быть нашим свидетелем.

Чу Фэнцин слегка опешил.

Чжао Июй:

— Почему у тебя такое лицо? Думаешь, это неуместно? Это тоже верно, как может низкий евнух быть нашим свидетелем? Он может просто прислуживать нам. Однако мне всё ещё нужно подготовить брачный дар.

Он говорил, играя с чашкой на столе, и вздохнул:

— Его и впрямь трудно поймать.

Чжао Июй посидел немного, а затем к нему поспешно подошёл евнух и тихо доложил о чём-то. Возможно, это было что-то очень важное, и он встал почти сразу, как закончил слушать.

Перед уходом он улыбнулся Чу Фэнцину и сказал:

— Циньэр, до свадьбы всего лишь дюжина дней. Я с нетерпением жду.

— О, чуть не забыл. — Чжао Июй приблизился к Чу Фэнцину, наклонился и обнял его.

Тёплый аромат вплыл в его нос, немного сладкий и с оттенком хрустящего послевкуся. Чу Фэнцин нахмурился, чувствуя себя очень неловко, но, к сожалению, позади него была кровать, и он не мог отступить. Чжао Июй устался на его лицо и заметил, что после того, как он нахмурился, в его глазах промелькнул след чувства, такой быстрый, что его трудно было заметить.

На его талии вдруг что-то коснулось. Чу Фэнцин опустил глаза и увидел, как Чжао Июй снимает саше с его пояса. Затем он отступил на шаг.

Их разделял один шаг. Чжао Июй достал кусок серебра из саше, держал его и улыбнулся:

— Ты раньше говорил, что серебро и товар — всего лишь обмен в деловой сделке. Теперь, когда я вернул серебро, это уже не просто деловая сделка.

В то время Чу Фэнцин спас жизнь его матери. Он не хотел иметь с ним слишком много связей, поэтому взял у него серебряный слиток, сказал: «Серебро и товар обменяны, это всего лишь деловая сделка», и ушёл.

Чу Фэнцин не ожидал, что он всё ещё помнит это. Глядя на спину Чжао Июя, он чувствовал, что этот человек и впрямь ребячлив.

Покинув дворец Чэнь, выражение лица Чжао Июя мгновенно похолодело, его глаза потемнели, и рука, державшая серебро, сжималась всё крепче и крепче. Серебро вдавилось в его ладонь, вызывая острую, колющую боль. Он поднял руку, опустил глаза, чтобы посмотреть на серебро, спокойно лежащее в его ладони, и усмехнулся. Между ними была лишь такая маленькая связь.

После ухода Чжао Июя Чу Фэнцин несколько раз прочистил горло, и его губы снова стали кроваво-красными. Он был чрезвычайно слаб. Когда Чжао Июй был рядом, он ещё мог держаться некоторое время, но теперь у него даже не было сил держаться дальше.

Вытерев кровь с губ, он поднял взгляд на стол. На столе была еда, которую Чжао Июй приказал подать. Он подошёл к столу и заставил себя съесть несколько кусочков.

Через некоторое время пришла дворцовая служанка и спросила, не хочет ли он принять ванну. Чу Фэнцин кивнул и попросил у неё немного лекарства.

Служанка была немного смущена:

— Это... Молодой господин, подождите минутку.

Чу Фэнцин кивнул и не стал смущать дворцовую служанку. Чжао Июй знал, что он искусен в использовании лекарств, и, должно быть, дал указания людям внизу.

На этот раз лекарство шло довольно долго, и с ним принесли несколько добавок. Их доставил евнух, прислуживавший рядом с Чжао Июем; неожиданно, лекарство принёс сам императорский слуга.

Он улыбнулся и очень низко опустил:

— Молодой господин, Его Величество спросил, не плохо ли вы себя чувствуете, не хотите ли позвать императорского лекаря?

Чу Фэнцин покачал головой:

— Не нужно.

— Ну, тогда этот слуга удалится. Если молодому господину что-нибудь понадобится, пожалуйста, пошлите кого-нибудь найти этого слугу.

После того как все ушли, он открыл мешочек с лекарством: всё лекарство, что у него было, было конфисковано, когда он проходил через дворцовые ворота.

Глаза Чу Фэнцина были холодными. Он выбрал лекарство из мешочка и отложил его отдельно, а остальное рассыпал в ванну, которая всё ещё была наполнена горячим паром.

По правде говоря, замачивание лекарства таким образом делало его почти бесполезным, но это не имело значения: ему нужно было только одно конкретное лекарство.

Обернувшись, он взглянул на одежду, приготовленную дворцовой служанкой. В следующий миг его выражение изменилось, и руки, державшие одежду, напряглись. То, что Чжао Июй приготовил для него, было женским платьем.

С другой стороны, Цзи Юйцзинь стоял на носу корабля, глядя на бурную реку внизу, и впервые обнаруживал такое убийственное намерение.

В глазах Чжао Ли промелькнуло беспокойство. Цзи Юйцзинь боялся воды с детства; он предпочёл бы встретить смерть лицом к лицу в бою, чем проводить покушение через воду.

Его страх перед водой, казалось, въелся в его кости, но на этот раз он немедленно выбрал водный путь, потому что так было быстрее.

Чжао Ли смотрел на Цзи Юйцзиня, стоящего на носу корабля, и вспоминал день, когда получил тайное письмо Ли Юя...

Он никогда раньше не видел Цзи Юйцзиня таким. Тот выглядел как одержимый демон. Кровь в уголках его рта заставляла его казаться так, будто он выцарапал себе путь из чистилища. Любой поблизости мог ощутить тяжесть его торжественности и остроту его убийственного намерения, словно их души дрожали.

У Чжао Ли теперь не было никаких мыслей, он просто молча молился, чтобы молодой господин Чу был жив и здоров, иначе... Цзи Юйцзинь тоже не выживет.

Цзи Юйцзинь держал в руке закладку, которая была вложена в «Сборник историй», подаренный ему Чу Фэнцином. Сначала он не обратил особого внимания на этот лист, потому что он был и впрямь неприметен.

Пока в тот день, когда он читал «Сборник историй», его не увидел Чу Фэн. Чу Фэн сначала не обратил на это внимания, но краем глаза заметил слова на нём и немедленно остановился.

— Что это?

Цзи Юйцзинь:

— Сборник историй.

— Дай посмотреть. — Он говорил глубоким голосом и протянул руку к Цзи Юйцзиню. Его ладонь была больше, чем у обычных людей, и покрыта слоями толстых мозолей. Было очевидно, что он воин.

Цзи Юйцзинь отказал, сказав:

— Ты, должно быть, шутишь. Это был подарок от Чу Фэнцина. Даже если ты его старший брат, ты тоже не можешь его трогать.

Чу Фэн нахмурился. Он тоже не хотел красть чужие вещи. Просто ему показалось, что почерк на вещах был очень знакомым, и он хотел подтвердить.

Его выражение было ледяным, когда он смотрел на собеседника, говоря:

— Тогда открой и дай мне посмотреть.

Цзи Юйцзинь:

— Нет.

Чу Фэн:

— Что это за сокровище такое? Я даже не могу взглянуть на него?

Цзи Юйцзинь изогнул губы и небрежно улыбнулся:

— Это просто сокровище.

Чу Фэн тоже не хотел с ним связываться. В этом мире было так много людей, и было нормально, если у одного или двух человек был похожий почерк. Он развернулся и приготовился уходить. В этот миг он снова увидел закладку на столе. Уголки его рта слегка сжались, и он усмехнулся:

— Хех, не ожидал, что ты будешь таким наивным. Должно быть, это подарок от того, кем ты восхищаешься.

Цзи Юйцзинь:

— Хм?

Чу Фэн указал на закладку на столе и сказал:

— Это чайный лист.

— Потому что семена нельзя пересаживать.

Цзи Юйцзинь смотрел на бурлящую воду и на лист. Острая враждебность в его глазах на мгновение смягчилась, но ему казалось, что гигантская рука разрывает его сердце, и кровь сочилась изнутри.

Из них двоих Цзи Юйцзинь был тем, кто показывал «радость». Чу Фэнцин, не умея выражать свои чувства, просто опускал глаза, когда слышал это.

Хотя он никогда не произносил слово «любовь», всё в нём говорило: «Я люблю тебя».

Если чай выращен в определённом месте, его нельзя пересадить; иначе его аромат и качество изменятся, или он может завянуть и умереть.

В мире чай необходим для свадеб. Это потому, что чай нельзя пересадить, что символизирует невозможность повторного брака.

Он сказал: на всю жизнь.

<http://bllate.org/book/17231/1657677>